

Пинегин В.В.,

студент

3 курс, факультет «Юридический»

Донской государственной технической университет

Россия, г. Ростов-на-Дону

Научный руководитель: Мирошниченко А.Ю.

ИСТОЧНИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

***Аннотация:** в статье проведен анализ правовой сущности и особенностей источников международного частного права в общетеоретическом контексте. Раскрываются факторы, обуславливающие специфику международного правотворчества. Затронута проблема систематизации источников международного частного права, а также вопрос об их соотношении с источниками национального права. Рассмотрены ключевые источники международного частного права на современном этапе и дана их характеристика.*

***Ключевые слова:** международное частное право, источник права, коллизионные нормы, материальные нормы, национальное законодательство, международный договор, иностранный элемент.*

***Abstract:** the article analyzes the legal essence and features of the sources of private international law in a general theoretical context. The factors determining the specifics of international law-making are revealed. The problem of systematization of the sources of private international law, as well as the question of their relationship with the sources of national law, is touched upon. The key sources of private international law at the present stage are considered and their characteristics are given.*

Keywords: private international law, source of law, conflict of laws rules, substantive norms, national legislation, international treaty, foreign element.

Базисное предназначение права заключено в выполнении им регулирующей роли, что необходимо для упорядочивания тех или иных общественных отношений [1, с. 98]. По сути, речь идет о целенаправленном воздействии нормативных положений на тот или иной сегмент объективной действительности.

В данном отношении особое значение приобретают так называемые источники права. Укажем, что данное понятие может быть рассмотрено дуалистично: в качестве содержательного субстрата права и его внешней формы объективации.

Согласно первому подходу, источником права выступают условия реальной действительности, в силу которых возникли те или иные правовые предписания. Но наибольшее распространение получил подход, согласно которому источником права является форма его внешнего выражения, благодаря которой его содержание становится доступным для всеобщего ознакомления [2, с. 26]. Согласно традиционным воззрениям, источник права вбирает в себя нормативный правовой акт,

В качестве источников права традиционно признаются: нормативный правовой акт, правовой обычай, судебный прецедент. Однако в данной статье акцент поставлен на источниках международного частного права (далее МЧП), что неизбежно предполагает наличие некоторых особенностей.

К слову, в правовой доктрине вопрос о правовой природе МЧП имеет дискуссионный характер. Дело в том, что нормы МЧП могут одновременно иметь отношение к двум разным правовым порядкам. Иными словами, в регулируемых им отношениях всегда присутствует иностранный элемент, и данные нормы могут иметь материально-правовой или коллизионный характер.

Принимая во внимание объективно присущие МЧП особенности, его «источниковая база» несколько иная, и представлена, прежде всего, международными соглашениями, государственным материальным и коллизионным законодательством, а также правовыми обычаями.

Безусловно, нишу самого распространенного и одного из важнейших источников МЧП занимает международный договор. В данном отношении укажем, что п. 1 ст. 1186 ГК РФ содержит положение о применении к гражданско-правовым отношениям, в которых имеется иностранный элемент, положений международных договоров [3].

Международные договоры, равно как общепризнанные принципы и нормы международного права, выступают в качестве органического компонента отечественной правовой системы и одного из ее источников [4, с. 56]. Их применение не требует предварительного внедрения во внутреннее право Российской Федерации.

Международные договоры выступают в качестве эффективного инструмента нивелирования коллизий благодаря выработке унифицированного подхода к урегулированию тех или иных ситуаций.

Россия, следуя прогрессивному опыту зарубежных стран, также установила приоритетную роль международного договора над внутренним законодательством, что нашло свое отражение на уровне конституционной регламентации [5]. Данная идея «красной нитью» проходит через отраслевое российское законодательство.

В качестве иллюстрации международного договора в контексте регулирования частноправовых отношений, осложненным иностранным элементом, приведем Венскую конвенцию ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. Нормы коллизионного характера содержатся, к примеру, в Соглашении СНГ о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (1992 г.).

Говоря о внутригосударственном уровне регламентации частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, необходимо отметить, прежде всего, нормативно-правовые акты, судебный прецедент, судебную практику, национальный обычай и доктрину.

Среди данных источников превалирует нормативно-правовой акт, находящий свое внешнее выражение в виде законов и подзаконных актов. Применительно к сфере МЧП необходимо затронуть вопрос классификации соответствующих законодательных актов.

В первый блок входят законы, содержание которых образуют нормы коллизионного характера. Показательно, что во многих зарубежных странах соответствующие нормативные положения сконцентрированы в едином законодательном акте (к примеру, Закон о международном частном праве Австрии 1978 г.).

В России такой закон отсутствует, в силу чего кодификация в анализируемой области осуществляется весьма дифференцированно, прежде всего, по признаку отраслевой принадлежности. Так, положения коллизионного характера сконцентрированы в VI разделе третьей части Гражданского кодекса Российской Федерации, VII разделе Семейного кодекса Российской Федерации, главе XXVI Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации.

Специфика коллизионных нормативных положений заключается в отсутствии в них директивного указания на права и обязанности участников соответствующих отношений с иностранным элементом - предназначение указанных норм состоит в установлении правопорядка, чьи постулаты подлежат применению, если только отсутствует соответствующий международный договор или обычай, предметно ориентированный на соответствующую сферу общественных отношений [6, с. 85].

Также необходимо отметить группу законодательных актов, содержание которых составляют нормы материального характера. Они ориентированы

именно на упорядочивание соответствующих отношений. В качестве примера приведем Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» 2002 г., Федеральный закон «О международном коммерческом арбитраже» 1993 г. и т. д.

В некоторых областях МЧП (в частности, торговые взаимоотношения, перевозки) важно значение имеет также правовой обычай. Он может иметь международный и внутригосударственный характер.

Как считает М.М. Богуславский, международный правовой обычай представляет собой сложившееся в международной практике правило поведения, за которым государствами признается юридическая сила [7, с. 213]. Таким образом, для придания распространенной модели поведения статуса международного обычая необходимо ее всеобщее признание государствами, унифицированное применение и императивный характер. Дефиниция внутреннего правового обычая приведена в ст. 5 ГК РФ.

Особо оговорим важность разграничения правовых обычаев в сфере МЧП и международных торговых обычаев. Применительно к последним отсутствует условие о государственном санкционировании, а также они не обладают статусом формальных источников права.

В данном отношении показательны Йорк-Антверпенские правила об общей аварии, находящие частое применение в сфере торгового мореплавания, а также Международные правила толкования торговых терминов ИНКОТЕРМС, которые нацелены на упорядочивание торговых взаимосвязей и др.

Говоря о судебной практике в контексте ее трактовки как источника МЧП, укажем, что здесь подход государств весьма контрастен. Как известно, страны общего права относят судебный прецедент к источникам права, что в корне отлично от правовой практики стран континентального права.

При этом важно пояснить, что в некоторых странах судьи, выявив фрагментарность правового регулирования, должны устранить выявленный

пробел в рамках анализа и разрешения конкретного дела. Отсюда, уместно вести речь о том, что судебную практику допустимо трактовать в качестве «восполнительного», субсидиарного источника МЧП.

Что касается Российской Федерации, несмотря на формальное непринятие судебной практики как источника МЧП, как обоснованно отметила Г.К. Дмитриева, это не умаляет ее значения в устранении пробелов и коллизий нормативной регламентации, а также в содействии унификации правоприменения и внесению в законодательство требуемых корректив в целях его совершенствования [8, с. 94].

Помимо прочего, о важной роли судебной практики, в том числе зарубежной, свидетельствуют положения ст. 1191 ГК РФ, обязывающие судебные инстанции при рассмотрении соответствующих дел уяснять содержание иностранного права. Уполномоченный суд должен принимать во внимание не только иностранные законодательные акты, но также практику их применения. Отсюда, бесспорна роль зарубежной судебной практики в содействии суду по вопросам толкования норм иностранного права в том контексте, в какой они находят применение на территории своего возникновения.

Наконец, законодательство ряда юрисдикции провозглашает также доктрину как источник права вообще и МЧП в частности. Например, в ст. 2047 ГК Перу к данному перечню относятся принципы и критерии, разработанные на доктринальном уровне в рамках МЧП [9, с.10].

В России вновь можно отметить более строгий подход законодателя, который не относит научные концепции и постулаты к числу официальных источников МЧП. Однако при этом учитывается та роль, которая отведена доктрине в зарубежных правовых системах, что прямо следует из содержания ст. 1191 ГК РФ.

Иными словами, при разрешении коллизионного вопроса в пользу иностранно государства, где доктрина примыкает к числу источников права,

заставляет принимать ее во внимание. Аналогичным образом, зарубежная доктрина должна применяться в рамках уяснения содержания иностранных законоположений в силу директивного указания п. 1 ст. 1191 ГК РФ.

Таким образом, уместно заключить, что спектр источников международного частного права весьма внушителен и разнообразен, что предопределено спецификой и сложностью регулируемых им отношений. Вместе с тем, учитывая высокую динамичность данной сферы, считать данный процесс завершенным преждевременно.

Библиографический список:

1. Стригунова Д.П. К вопросу об источниках международного частного права Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. - 2020. - № 12. - С. 98-105.
2. Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник / Л.А. Морозова. - 6-е изд., перераб. и доп. - Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. - 564 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (часть третья) // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 декабря 2001 г. № 49. Ст. 4552.
4. Международное частное право: учебник / М.М. Богуславский. - 7е изд., перераб. и доп. - Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. - 672 с.
5. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Российская газета. 2020. № 144.
6. Завьялова Н.Ю. Источники международного права и их особенности // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. - 2016. - № 8. - С. 84-91.
7. Богуславский М.М. Международное частное право: учебник / М.М. Богуславский. - 7-е изд., перераб. и доп. - Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. - 672 с.

8. Международное частное право: учебник. 2-е изд. перераб. и доп. / отв. ред. Г.К. Дмитриева. - М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2018 - 688 с.
9. Алешина А.В., Косовская В.А. Источники международного частного права: проблемы систематизации // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. - 2017. - № 2 (35). - С. 7-13.